

A close-up photograph of two young women and a ginger cat. The woman on the left has long, wavy brown hair and is smiling gently. The woman on the right has long, straight blonde hair and is laughing joyfully. They are both holding brown paper coffee cups with black lids. The ginger cat is positioned in the lower-left foreground, looking directly at the camera with its yellow eyes. The background is a soft, out-of-focus street scene with warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is warm, happy, and intimate.

Вета Триси

*Не говори мне про август...
этот месяц знает
слишком много...*

Вета Триш

**Не говори мне про август... Этот
месяц знает слишком много...**

«Автор»

2026

Триш В.

Не говори мне про август... этот месяц знает слишком много... /

В. Триш — «Автор», 2026

«Не говори мне про август» — фраза, в которой спрятана целая история боли и исцеления. В этом месяце главная героиня теряет того, кто был ей почти сестрой, и мир вокруг теряет краски. Но август же дарит ей человека, который учит её снова видеть свет. Он не пытается стереть прошлое, а помогает бережно нести его, оставаясь при этом опорой в настоящем. Год спустя, в том же самом августе, он протягивает ей кольцо — и она вдруг понимает, что этот месяц теперь значит для неё нечто большее, чем просто напоминание о потере.

© Триш В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вета Триш

Не говори мне про август... этот месяц знает слишком много...

Глава 1

«Боже, как холодно!» — была первая мысль.

«Отлично, дождя как раз и не хватало!»

Идти домой в два часа ночи и так не слишком приятно, а тут ещё и погода «радует». Да, я люблю холод больше, чем жару, но всё-таки странно разгуливать в футболке, шортах и сандалиях. Днём стояла жара под 35 градусов, а сейчас, по ощущениям, все минус тридцать. Лето в этом году выдалось на редкость жарким: воздух за день нагревался так, что даже вечером было душно. По всем прогнозам — опять та самая аномальная жара, которая случается раз в сто лет. Хотя, по-моему, каждый год одно и то же. Ничего не предвещало такого резкого похолодания. Днём я была на подработке, вечером встретилась с подругой. Мы бродили по набережной, потом сидели у неё во дворе и обсуждали, как будем готовиться к учёбе в универе после каникул. Позже к нам присоединился её старший брат, и мы устроили турнир по картам. Самое смешное, что в картах мне нет равных. Все твердят, будто я мухлюю, а на самом деле у меня просто хорошая память! В итоге игра затянулась: маршрутки уже не ходили, денег на такси не было, и мне пришлось идти домой пешком — на другой конец города. Рита (моя подруга) уговаривала остаться у неё, но завтра снова на работу: нужно привести себя в порядок и переодеться. Да и кота надо покормить. Хотя я и живу с мамой, не факт, что она это сделала. Последние два месяца у неё новый ухажёр: она приходит домой, только если он занят. А то и вовсе не приходит. Кажется, у него в доме её вещей уже больше, чем у нас. Я успела пройти всего несколько кварталов, когда налетел ужасный ветер. Температура стремительно падала, а потом ещё и хлынул дождь — будто небо решило вылить на меня все запасы воды разом. До дома быстрым шагом — минут тридцать. Город у нас небольшой, всего сто пятьдесят тысяч жителей, но по утрам, в час пик, кажется, будто тут живёт миллион человек. А сейчас, посреди ночи, улицы стали чужими и пустыми — и от этого становилось ещё страшнее. Вода лилась стенами. К счастью, как раз в этот момент я поравнялась с торговым центром — там был небольшой навес. Я метнулась под него, промокая до нитки, дрожащая от холода и злости на эту дурацкую погоду. И даже не думала, что придётся делить укрытие с кем-то ещё. Под навесом стояла компания из четырёх парней, у каждого — бутылка спиртного. От них тянуло дешёвым алкоголем и какой-то опасной развязностью, от которой у меня внутри всё сжалось.

— О, детка, не поздновато ли для прогулок? — бросил один из них, и остальные тут же загоготали, будто это была самая остроумная шутка на свете.

Сердце ухнуло куда-то вниз, но я заставила себя не показывать страха.

— В самый раз для водных процедур! Не ожидала такого напора, вот и приходится переживать, — ответила я как можно спокойнее, хотя голос чуть дрогнул. Мысленно я уже проклинала и этот ливень, и этих «соседей», и вообще весь сегодняшний вечер, который так славно начинался.

— Не переживай, малышка, спинку можем потереть! — снова хохот, громкий, наглый, царапающий нервы.

Я плотнее прижалась к стене, стараясь стать как можно незаметнее, и вцепилась пальцами в мокрый край футболки. Хотелось просто исчезнуть. Или чтобы дождь наконец закон-

чился. Или чтобы кто-нибудь просто прошёл мимо и спугнул эту компанию. Но улица оставалась пустой. И тут внутри что-то щёлкнуло. Страх не пропал, но к нему примешалась злость — острая, колючая, прогоняющая дрожь. Да сколько можно? Сначала холод, потом ливень, а теперь ещё эти клоуны делают из моей беды развлечение. Парни снова заржали после своей «шутки», и этот смех царапнул по нервам так, что терпению пришёл конец. Я выпрямилась, стряхнула с лица мокрые пряди и посмотрела прямо на того, кто говорил первым. В груди колотилось сердце, но голос прозвучал твёрже, чем я ожидала:

— Знаете, спинку мне точно не надо. А вот совесть вам бы не помешало поискать. Три часа ночи, а вы тут горланите, будто у вас праздник. Может, лучше по домам разойдётесь, пока дождь не смыл всю вашу браваду?

На секунду повисла тишина. Парни переглянулись — смех будто выключили. Тот, что начинал, прищурился, будто пытался понять, всерьёз я это говорю или просто блефую.

— Ого, какая дерзкая, — протянул он, чуть наклонив голову, но в голосе уже не было прежней наглости, скорее любопытство.

Я не стала дожидаться продолжения. Схватила момент, пока они опешили, и шагнула из-под навеса прямо под ливень. Вода ударила по лицу, но сейчас она даже придавала сил — будто смывала липкий страх.

«Тридцать минут, — повторяла я про себя, ускоряя шаг. — Всего тридцать минут, и я дома. И пусть только попробуют пойти следом». Дождь шумел в ушах, заглушая всё остальное, и я шла, не оглядываясь. Пусть думают что хотят. Главное — не дать себе снова сжаться в комок. Главное — дойти.

— Эй! Стой!

Голос донёсся сквозь шум ливня — не насмешливый, а какой-то усталый, даже чуть виноватый. Я не сразу остановилась: ноги сами несли вперёд, будто если замедлюсь хоть на секунду, страх снова вцепится в меня мёртвой хваткой.

— Да подожди ты! Ну серьёзно...

Я всё-таки обернулась. Тот самый парень, что начинал все эти шутки, стоял у края навеса, мокрая чёлка прилипла ко лбу, плечи опущены. Остальные трое замерли позади него, кто-то прятал бутылку в пакет, кто-то смотрел в землю. Он сделал пару шагов вперёд, но не приближался вплотную — будто сам боялся напугать ещё сильнее.

— Слушай... Прости, ладно? Мы тут перебрали, и казалось, что это смешно. А вышло... ну, вообще не смешно. Совсем.

Я крепче сжала кулаки, пальцы всё ещё были ледяными, а футболка липла к спине. Хотелось просто развернуться и пойти дальше, но в его голосе не было прежней наглости — только неловкость и какая-то глухая усталость.

— Ты права, конечно, — он нервно провёл рукой по мокрым волосам. — Три часа ночи, мы орём, пристаём... Это не по-людски. Просто... день такой был, всё наперекосяк, вот и пытались себя взбодрить. Глупо вышло. Очень.

Один из парней позади него тихо буркнул:

— И правда, извини. Мы не хотели тебя пугать.

Я помолчала, прислушиваясь не к словам, а к себе. Страх ещё дрожал где-то под рёбрами, но злость потихоньку оседала, как пыль после бури.

— Ладно, — наконец выдохнула я, не столько прощая, сколько просто не желая стоять под дождём и дальше выяснять отношения. — Только... не надо больше так. Ладно?

Парень коротко кивнул, будто боялся спугнуть этот хрупкий мир.

— Договорились.

Я снова повернулась, чтобы идти, но он вдруг окликнул ещё раз — уже негромко, почти себе под нос:

— Если хочешь, можем хотя бы до остановки проводить. Там хоть крыша есть... Или до дома, если недалеко. Не потому что... просто чтобы ты спокойно дошла.

На секунду я замерла. Дождь стекал по лицу, смешиваясь то ли с водой, то ли с чем-то ещё. Потом чуть качнула головой:

— Спасибо, но я сама. До дома недалеко.

И пошла вперёд, уже не так стремительно, но твёрдо. А когда оглянулась в последний раз, увидела, как они вернулись под навес, сели на корточки, опустили головы, и в этой тишине посреди ливня было что-то почти человеческое — будто ночь смыла с них браваду, оставив просто усталых, не самых умных, но всё-таки не злых парней. «Осталось двадцать минут, — снова шептала я себе, чувствуя, как понемногу отпускает напряжение. — Ещё двадцать минут — и я дома. И всё будет нормально».

Глава 2

Двадцать минут. Оказалось, что это не так уж и много, когда каждую секунду ждёшь, что вот-вот дойдёшь до спасительной двери. Ливень понемногу слабел, превращаясь в мелкую морось, и даже ветер будто устал гонять по улицам холодные потоки воздуха.

Подъезд встретил меня привычной тишиной и запахом сырости, смешанным с чем-то неуловимо домашним. Лифт, как назло, не работал — пришлось подниматься по лестнице, цепляясь за перила и стараясь не поскользнуться на мокрых ступеньках. На пятом этаже я наконец-то нашарила в кармане ключи, пальцы дрожали то ли от холода, то ли от того, что напряжение наконец-то начало отпускать. Щёлкнул замок, дверь приоткрылась — и тут же из темноты коридора вылетел пушистый вихрь.

Рыжий, будто сотканный из мягкого света и плюшевой нежности, кот по имени Сева с радостным «мяу» врезался мне в ноги так, что я едва не потеряла равновесие. Он тёрся о мокрые ноги, мурчал так громко, будто пытался заглушить шум дождя за окном, и тыкался мокрым носом в ладонь, будто проверял: «Ты правда здесь? Ты вернулась?»

Я наклонилась, чтобы погладить его, и чуть не упала — Сева крутился под ногами, подставлял спину, бодал руку, требовал внимания так настойчиво, будто за эти пару часов моего отсутствия в мире успела случиться целая вечность.

— Ну-ну, полегче, герой, — прошептала я, улыбаясь впервые за этот бесконечный вечер. — Сейчас всё будет хорошо.

Стянув мокрые сандалии, я прошла в квартиру, оставив на полу тёмные лужицы. Маленькая двушка встретила меня полумраком и тишиной — мамы не было. Впрочем, я и не ждала её сегодня. В груди шевельнулось что-то похожее на грусть, но Барсик тут же прогнал её, снова прыгнув на ноги и требуя ласки.

На кухне я щёлкнула выключателем. Тёплый свет лампы упал на знакомые вещи: стопку книг у окна, чашку с недопитым кофе, которую я не успела помыть сегодня, старый плед на спинке дивана. Всё было на своих местах — и от этого становилось чуточку спокойнее.

Пока закипал чайник, я завернулась в махровый халат, который висел на крючке у двери, и опустилась на табуретку. Сева тут же запрыгнул ко мне на колени, устроился, будто специально созданный для того, чтобы согревать замёрзших людей, и снова замурчал — низко, уютно, по-домашнему.

«Вот оно, — подумала я, закрывая глаза и вдыхая запах мокрого кота и тёплого чая. — Вот мой маленький островок, где всё просто. Где не надо быть сильной, не надо отвечать дерзко, не надо никуда бежать».

Чайник щёлкнул, вырывая меня из мыслей. Я налила себе кружку, добавила ложку мёда — и сделала первый глоток. Горячий, чуть терпкий, с запахом лета и спокойствия. Сева приоткрыл один глаз, будто проверяя, не забыла ли я про него, а потом снова уткнулся носом в мой бок.

И в этот момент я вдруг поняла: да, вечер вышел странным, пугающим, нелепым... но он закончился. Я дома. И этого сейчас было достаточно.

Ева насыпала Севе корм в любимую миску — тот тут же уткнулся носом в гранулы, мурлыча так, будто это был самый вкусный ужин в мире. Она улыбнулась, глядя на него: даже в такой безумный вечер кот умудрялся всё превращать в маленькое счастье.

На кухне она налила себе горячий чай с мёдом, вдохнула сладкий, пряный аромат и тихо прошептала: «Только бы не разболеться». После ледяного ливня каждая мышца ныла от холода, и мысль о температуре пугала куда сильнее, чем недавняя встреча под навесом.

Горячий душ смыл с неё остатки дождя, уличного холода и липкого напряжения. Тёплые струи будто стирали из памяти наглый смех и чужие слова, оставляя только усталость и облег-

чение. Вытершись пушистым полотенцем, Ева натянула уютную пижаму — мягкую, в мелкую клетку, ту самую, в которой всегда становилось спокойнее.

Перед зеркалом она остановилась, будто хотела убедиться: да, это всё ещё она. В отражении стояла девушка, в которой усталость боролась с упрямым спокойствием.

Еве было восемнадцать, но в эту ночь она чувствовала себя на все тридцать. При росте в 170 сантиметров она казалась себе одновременно слишком высокой и слишком хрупкой. Длинные волосы цвета тёмного шоколада липли к плечам мокрыми прядями, но, стоило им высохнуть, они снова лягут мягкими волнами. Ярко-зелёные глаза смотрели чуть настороженно, будто всё ещё ждали подвоха от этой ночи, но в глубине уже разгорался тихий огонь: она справилась, она дошла.

Курносый нос чуть покраснел от холода, пухлые губы подрагивали то ли от озноба, то ли от того, что она сдерживала слёзы — усталые, облегчённые. Фигура «песочные часы» с тонкой талией и длинными ногами казалась сейчас не предметом гордости, а чем-то личным, почти уязвимым — будто именно эта хрупкая женственность сегодня держала её на ногах. Небольшая грудь второго размера терялась в объёмной пижаме, а загорелая кожа, ещё недавно казавшаяся следом хорошего лета, теперь выглядела как напоминание о том, что когда-то этот день начинался совсем иначе — с жары, бережной и беззаботного смеха.

Ева провела ладонью по влажным волосам, чуть взъерошила их и слабо улыбнулась своему отражению:

— Ну вот. Ты дома. Теперь можно просто выдохнуть.

Сева, уже доевший ужин, подошёл и ткнулся лбом в её голую лодыжку. Ева наклонилась, подхватила его на руки, прижала к себе — и почувствовала, как тепло пушистого комочка медленно прогоняет остатки ночного холода.

Ева достала телефон, пальцы ещё чуть подрагивали, но уже не от страха — скорее от привычки держаться настороже, пока не почувствуешь себя в полной безопасности. Она быстро набрала Ритке: «Всё норм, я дома. Без приключений. Спокойной ночи». Нажала «отправить» и на секунду задержала взгляд на экране, будто ждала, что подруга тут же ответит: «Ты точно в порядке?», «Я волновалась»... Но экран остался спокойным, без новых уведомлений. И это было даже хорошо. Сейчас Еве хотелось тишины, а не разговоров, где придётся сглаживать углы и не рассказывать про парней под навесом.

Пройдя к себе в комнату, поняла, что мама сегодня не приходила домой.

Спальня была словно остров спокойствия посреди беспокойного вечера. Всё здесь — в светлых, почти невесомых тонах: кремовые стены, белый текстиль, лёгкий оттенок ванили в воздухе. Никакой суеты, никакого лишнего хлама — только то, что действительно нужно. В комнате царила идеальная чистота, будто сама атмосфера не терпела беспорядка и мягко возвращала всё на свои места.

У окна стояла полутороспальная кровать с простым, но уютным пледом в бежево-песочных оттенках. Рядом — небольшая тумбочка, на ней — лампа с мягким тёплым светом, который Ева любила включать по вечерам, когда хотелось просто посидеть и подумать. В углу притаился аккуратный шкаф, не громоздкий, а будто встроенный в пространство, чтобы не забирать у комнаты воздух. У стены — стол, на нём ни пылинки, только блокнот с загнутыми уголками страниц, пара ручек и маленькая фотография в рамке: Ева и Рита на набережной, смеются, шуряют на солнце.

Напротив кровати висело зеркало в полный рост — в тонкой раме, почти незаметной. Иногда Ева подолгу стояла перед ним, разглядывая себя, будто пыталась понять, кто она сегодня: смелая, дерзкая, уставшая, испуганная... А сейчас в отражении была просто девушка, которая очень хотела покоя.

Под ногами приятно пружинил пушистый ковёр цвета песка — такой мягкий, что хотелось зарыться в него пальцами. Ева прошла по нему, чувствуя, как ворсинки ласково щекают кожу, и села на край кровати, опустив голову и глубоко выдохнув.

Сева прошмыгнул следом, ловко запрыгнул на кровать и свернулся клубочком в изголовье, будто заранее занял самое тёплое место. Ева улыбнулась, сняла резинку с волос, позволив шоколадным прядям рассыпаться по плечам, и легла, подтянув колени к груди.

Тишина в комнате была не пустой, а наполненной: тихим мурчанием Севы, редким стуком капель по карнизу, далёким шумом города, который сюда почти не долетал. Здесь можно было наконец-то перестать быть сильной, перестать держать спину ровно и смотреть прямо. Здесь можно было просто быть — уставшей, промокшей, но целой.

Ева закрыла глаза, вдыхая запах чистого постельного белья и тихого дома, и прошептала в полумрак:

— Всё. Теперь точно всё.

Ева быстро уснула — будто провалилась в мягкую темноту, где не было ни ветра, ни дождя, ни чужих насмешливых голосов. А в восемь утра мир грубо ворвался обратно: заорал будильник, и из динамика грянула любимая песня Queen — громко, дерзко, по-королевски.

Глава 3

Ева еле разлепила глаза, резко вскочила — и тут же напугала Севу: кот подпрыгнул, будто его подбросило пружиной, и уставился на неё с таким оскорблённым видом, словно она нарушила все законы кошачьего спокойствия.

— Прости, прости, — пробормотала Ева, потирая лицо ладонями и пытаясь стряхнуть остатки сна. — Но без этого я бы вообще не встала.

Она тихо приоткрыла дверь в мамину комнату. Внутри было пусто, тишина стояла такая, будто тут давно никто не появлялся. Диван — огромный угловой, изумрудного цвета, мягкий и уютный, но вечно заваленный вещами, — оставался нераскладным. Стены в комнате были серые, спокойные, но от этой сдержанности становилось только горше: будто сама квартира шептала, что мамы снова нет. На полстены висел телевизор — старый, но любимый, с чуть тусклым экраном, который мама включала, чтобы не оставаться наедине с тишиной. Огромный встроенный шкаф, плотно набитый доверху, казался хранилищем целой жизни: платья, куртки, коробки с мелочами, которые мама никак не могла разобрать.

Из комнаты был выход на небольшой балкончик. Там стояло уютное кресло, рядом — маленький столик и пепельница. Ева невольно поморщилась, заметив на дне пепельницы серый пепел. Мама курила как паровоз — и из-за этого у них часто вспыхивали тихие, но горькие ссоры. Ева не переносила запах дыма: он въедался в волосы, в одежду, в саму атмосферу дома, и от этого казалось, что уюта становится чуточку меньше.

Вздохнув, Ева закрыла дверь и пошла на кухню. Сева уже крутился там, заглядывал ей в глаза с таким жалобным видом, будто не ел целую вечность.

— Ну ладно, ладно, герой, — улыбнулась Ева. — Сейчас всё будет.

Пока закипал чайник, она быстро умылась, провела щёткой по волосам — те, ещё не до конца высохшие, завивались в упрямые локоны, и на пару минут Ева действительно стала похожа на пушистого барашка. Она хмыкнула, глядя на себя в зеркало, а потом взялась за дело: расчесала, укротила непослушные пряди и заплела аккуратный колосок. Теперь снова был идеальный порядок.

Чайник щёлкнул. Ева насыпала корм Севе — тот набросился на еду с таким энтузиазмом, будто это был праздничный ужин, — а себе налила кофе, добавила молока. Сделала первый глоток — тёплый, сливочный, с лёгкой горчинкой — и прикрыла глаза.

«Вот оно, — подумала она, чувствуя, как тепло медленно разливается внутри. — Нет ничего лучше, чем утром выпить кофе с молоком. И просто знать, что ты дома, что всё на своих местах.»

Сева, расправившись с кормом, подошёл, ткнулся мокрым носом ей в ладонь и замурчал — низко, уверенно, будто подтверждал: да, день начинается. И он будет нормальным. Обязательно.

Ева разблокировала телефон. На экране мигало сообщение от Ритки:

«Прости, вырубилась сразу, как легла... Так рада, что ты дома и всё ок. А тут брат устроил мне взбучку — будто я тебя в тёмный лес отправила. Хотя когда мы расходились, он вообще спал и носом не ворочал. Ну мужики, а... Держи в курсе, ладно? Если что — я тут».

Ева чуть улыбнулась, пальцы сами напечатали короткое: «Всё норм. Не парься. Он просто переживает». И, будто сбросив с плеч ещё один тяжёлый камешек вчерашнего вечера, сунула телефон в карман.

В этот момент щёлкнул замок, входная дверь распахнулась — и в квартиру ворвалась мама. Не успела она даже снять туфли, как тут же всплеснула руками, уставившись на мокрый коврик у порога:

— Ева, ну что это такое? Ты будто ведро воды принесла! У нас тут не бассейн, между прочим!

Ева только вздохнула, привычно пропустив первую волну ворчания мимо ушей. Это был её обычный мамин способ начать разговор: не «как ты?», не «ты не промокла?», а сразу про коврик, про пыль, про то, что «всё не так».

Но дальше случилось неожиданное. Мама вдруг резко сменила тон, глаза загорелись, и она выпалила, даже не переводя дыхания:

— Зато у меня новости — просто бомба! Костик купил билеты в Турцию! Всё включено, отель — сказка! И мы улетаем сегодня! На две недели!

Она закружилась по коридору, будто уже чувствовала под ногами горячий песок, а не мокрый коврик.

— Только купальник у меня совсем старый, надо срочно новый купить! И крем от солнца, и шляпу... А ещё я не знаю, что из одежды брать — то ли платья, то ли шорты... Ева, помоги, пожалуйста, я ничего не успеваю!

И она понеслась по квартире, распахивая шкафы, вытаскивая вещи, тут же откладывая одни и хватая другие, шурша пакетами и бормоча себе под нос: «Так, сандалии... нет, лучше босоножки... или всё-таки сандалии?»

Ева стояла, слегка оглушённая этим вихрем, и смотрела, как мама, забыв про мокрый коврик и про всё на свете, собирает чемодан. В комнате мелькнул изумрудный диван, запахнутый шкаф, балконная дверь, за которой виднелось кресло и пепельница — всё это вдруг стало казаться частью какой-то другой, уходящей реальности.

«Турция... сегодня... две недели...» — мысленно повторяла Ева, пытаясь уложить эти слова в голову.

Мама наконец остановилась на секунду, схватила её за руки и выдохнула:

— Ну скажи хоть что-нибудь! Ты рада за меня? Это же такой шанс!

Ева посмотрела на неё: в маминых глазах было столько предвкушения, столько надежды на то, что всё наконец-то будет хорошо, что она просто не смогла сказать «нет» или «мне не нравится».

— Рада, — тихо сказала она, и это было правдой. Хотя и с примесью грусти, которую она не хотела показывать. — Только... а как же я?

Мама на мгновение замерла, будто только сейчас вспомнила, что в этой квартире есть ещё кто-то, кроме нее.

— Ой... Евочка... ! Ну ничего, Ритка же рядом, да? ... Мы что-нибудь придумаем, обязательно! Главное, что у нас есть эти две недели, чтобы просто выдохнуть и побыть счастливыми!

Она снова закружилась, подхватила какую-то блузку и убежала в комнату, оставив Еву стоять посреди коридора. Сева подошёл, потерся о ногу, будто чувствовал, что хозяйке сейчас нужно хоть что-то стабильное и понятное.

Ева наклонилась, погладила его по пушистой спинке и прошептала:

— Ничего, мы что-нибудь придумаем. Обязательно.

А в голове всё ещё крутилось: «Две недели... Турция... и я останусь тут одна».

Ева смотрела, как мама снова мелькает между шкафами, хватая вещи, тут же бросает, снова хватая — будто пытается собрать в чемодан не одежду, а само счастье, которое вот-вот улетит вместе с ней.

А Ева стояла и думала: «Справлюсь. Конечно, справлюсь». Сева будет получать корм два раза в день, а она станет раньше возвращаться с подработки. Ничего нового — они и так годами жили вдвоём, будто она была не дочерью, а тихой опорой, которая незаметно держит всё на себе.

И ведь не всегда так было. Когда-то дом был другим — тёплым, спокойным, где папа смеялся громко, ставил чайник и говорил: «Сейчас всё решим». А потом всё рухнуло за один месяц. Рак съел его стремительно, безжалостно, будто не дал даже шанса попрощаться по-человечески. Ева до сих пор помнила, как он, ещё совсем недавно сильный и уверенный, вдруг стал казаться хрупким, как сухая ветка. И как мама в тот месяц будто перестала дышать — только смотрела куда-то сквозь стены, не видя ни Евы, ни мира вокруг.

После похорон всё стало только хуже. Год тишины, а потом — тот мужчина. Ева до сих пор вздрагивала, вспоминая его голос: ровный, ледяной, с этой улыбочкой, от которой по спине бежали мурашки. Он умел бить не только кулаками, но и словами — так, что синяки заживали быстрее, чем раны внутри. А когда он избил маму так, что её увезли в больницу, что-то в Еве сломалось и тут же закалилось: она тогда впервые сказала твёрдо: «Если он вернётся — я вызову полицию». И мама, бледная, с тёмными кругами под глазами, просто кивнула.

Потом начался хаос. Кавалеры мелькали, как кадры в сломанном кино: один, другой, третий... Мама будто пыталась нащупать себя заново, хватаясь за каждого, кто хоть на минуту делал вид, что она важна. И каждый раз Ева смотрела на это и боялась: вдруг она снова не увидит, как её снова ранят.

А потом появился Костя. Не идеальный, не спаситель, но хотя бы не причинял боли. И в маминых глазах снова загорелся свет — такой, какой Ева не видела уже давно. Да, мама была красивой — никто не давал ей тридцати пяти. Молодое лицо, лёгкая походка, смех, который когда-то сводил папу с ума. Она родила Еву рано, почти девчонкой: школа, первая любовь, беременность, свадьба — всё пронеслось, как ураган. И теперь, глядя на неё, мечущуюся по комнате с восторгом ребёнка, Ева вдруг поняла: мама просто снова хочет быть счастливой. По-своему, неуклюже, не всегда правильно — но искренне.

— Ева, ну ты чего стоишь? Помоги хоть чемодан застегнуть! Он не закрывается! — крикнула мама из комнаты, и в этом голосе было столько жизни, столько обычного бытового волнения, что Ева улыбнулась — тихо, почти незаметно. Она подошла, нажала на выпуклую крышку, помогла застегнуть молнию.

— Всё будет хорошо, — сказала она, и на этот раз не ради мамы, а ради себя самой.

Мама обняла её, крепко, по-своему торопливо, как умела:

— Спасибо, родная. Я знаю, что на тебя можно положиться. Ты у меня такая взрослая...

Ева только кивнула, пряча в груди ту самую тяжесть, которая всегда появлялась, когда её хвалили за то, что она просто старалась не дать всему развалиться.

Когда за мамой закрылась дверь, в квартире стало тихо. Сева подошёл, ткнул лбом в колено, посмотрел своими круглыми глазами: мол, ну вот, мы снова вдвоём.

Ева наклонилась, подхватила его, прижала к себе. Тёплый, пушистый, бесконечно настоящий.

— Ну что, герой, — прошептала она, утыкаясь носом в мягкую шерсть. — Будем жить. Как обычно. Только теперь у нас целых две недели, чтобы просто быть тут. Без драм, без суеты. Только ты, я и этот наш маленький мир. Сева муркнул, будто согласился.

На кухне Ева налила себе ещё кофе, села на табуретку, посмотрела в окно. Дождь кончился. Небо было умытым, светло-серым, с редкими просветами, где уже пробивалось солнце. Город потихоньку просыпался: где-то хлопнула дверь, проехала машина, кто-то смеялся на улице. Ева сделала глоток, почувствовала, как тепло снова разливается внутри, и тихо выдохнула.

День начинался. Не идеальный. Не простой. Но свой.

Глава 4

Ева надела прямые серые джинсы — они были удобными, не сковывали движения, и в них было как-то спокойнее. Сверху — голубой топ, лёгкий и свежий, будто кусочек ясного неба, а поверх накинула белую ветровку: утро выдалось прохладным, но именно такая погода нравилась ей больше всего. Не липкая жара, не промозглый холод, а этот чистый, чуть колючий воздух, который будто помогал собраться с мыслями.

На часах было почти девять, а на работу нужно было к десяти. До книжного магазина — всего пятнадцать минут пешком, и Ева решила не торопиться. Пусть город потихоньку просыпается: вот старушка выгуливает крошечного пса, вот бариста открывает кофейню, звенит связкой ключей и первым делом включает кофемашину, вот курьер на велосипеде ловко объезжает лужи, оставшиеся после ночного ливня.

В книжном она работала всё лето — на шестичасовую смену. Это было как раз то, что нужно: достаточно, чтобы чувствовать себя самостоятельной, и не настолько много, чтобы не оставалось времени на себя. Приходя на работу, Ева всегда переодевалась в простую белую футболку — униформа магазина, но ей даже нравилось: в ней она чувствовала себя частью этого места, где пахло бумагой, типографской краской и тишиной.

Когда она открыла дверь магазина, изнутри пахло этим особенным книжным запахом — уютным, надёжным, будто здесь время течёт чуть медленнее. За стойкой уже стоял Артём — он открывал магазин в восемь и оставался до восьми вечера. Высокий, немного нескладный, с вечно спутанными волосами и добрыми глазами, он всегда встречал её одной и той же фразой:

— Ну что, спасаем мир по одной книге за раз?

Сегодня Ева улыбнулась чуть шире обычного:

— Ага. Или хотя бы этот день.

Артём кивнул, будто понял без лишних слов, что день начался непросто. Он протянул ей стопку книг, которые нужно было расставить на полке в разделе фэнтези:

— Тут новинки. Думаю, тебе понравится: обложки красивые, а внутри — целые вселенные. Как раз чтобы отвлечься.

Ева взяла книги, провела пальцем по корешкам, чувствуя шероховатость бумаги, и пошла к полкам. Она любила этот момент: когда ещё нет покупателей, магазин тихий, и можно просто быть среди книг, позволять себе не думать ни о маминой поездке, ни о вчерашнем ливне, ни о том, сколько всего держится на её плечах. Она аккуратно расставляла книги, выравнивала их так, чтобы они стояли ровно, будто солдаты на параде, и вдруг поймала себя на мысли, что это тоже своего рода забота — о книгах, о тех, кто придёт их искать, о самом магазине, который стал для неё маленьким убежищем.

Через какое-то время дверь звякнула, впуская первого покупателя — женщину с ребёнком, который тут же бросился к полке с комиксами. Ева привычно улыбнулась, подошла, начала рассказывать про новые выпуски, про авторов, про то, что в этих историях есть и приключения, и дружба, и даже немного грусти — всё, как в настоящей жизни. Ребёнок слушал, приоткрыв рот, а мама благодарно кивала, будто Ева подарила им не просто книги, а целую идею, как провести вечер.

Артём, стоявший у кассы, тихо хмыкнул, когда они ушли, и сказал:

— У тебя это здорово выходит. Ты будто знаешь, какую книгу кому нужно дать. Не просто продать, а именно дать — как будто она ждала именно этого человека.

Ева пожала плечами, но внутри потеплело:

— Просто люблю книги. И люблю, когда люди их находят.

День потихоньку катился вперёд. Покупатели приходили и уходили, кто-то искал учебник, кто-то — роман, чтобы забыться на пару вечеров, кто-то просто заходил погреться и полистать страницы, будто проверяя, не изменилось ли что-то в мире. А Ева ходила между полок, помогала, советовала, иногда просто молча стояла рядом, пока человек выбирал, будто присутствие кого-то, кто не торопит, уже само по себе было поддержкой.

К середине смены она вышла на пять минут на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Небо было высоким, бледно-голубым, без единого намёка на вчерашнюю бурю. Ева закрыла глаза, подставила лицо лёгкому ветру и подумала: «Две недели. Мама будет в Турции, будет пить апельсиновый сок у бассейна, мерить новые купальники и смеяться. А я буду приходить сюда, кормить Севу, заваривать себе кофе и просто жить. И этого достаточно».

Когда она вернулась, Артём протянул ей стаканчик с кофе:

— Держи. Тебе явно пригодится.

— Спасибо, — улыбнулась Ева, вдыхая аромат, и вдруг почувствовала, что сегодня ей действительно чуть легче. Не потому что всё стало просто, а потому что рядом есть кто-то, кто просто ставит перед тобой стакан кофе и не спрашивает лишнего.

До конца смены оставался всего час. Ева как раз расставляла на полке новые детективы — выравнивала корешки, чтобы всё было ровно, привычно, спокойно. В магазине было тихо: после обеденного наплыва покупателей наступило то самое затишье, когда слышно, как шуршит страница, если кто-то листает книгу у стеллажа, и как тихо тикает часы над кассой.

И вдруг дверь звякнула. Ева подняла голову — и на секунду замерла.

Это был он. Тот самый парень из-под навеса.

Он повернулся в её сторону, и их взгляды встретились. А потом он широко улыбнулся и пошёл прямо к ней — не как покупатель, который ищет нужный раздел, а будто шёл именно к ней.

— Привет! Так и знал, что видел тебя здесь, — сказал он, останавливаясь у полки с детективами и чуть наклоняя голову, будто хотел убедиться, что она его узнаёт.

Ева почувствовала, как внутри что-то дрогнуло — то ли от неожиданности, то ли от того, что вчерашний страх вдруг стал казаться нелепым. Она чуть приподняла бровь, но в глазах уже мелькнула улыбка:

— Ну, если честно, вчера я бы не сказала, что рада тебя видеть.

Вадим тут же посерьёзnel, но улыбка не исчезла — она просто стала мягче, чуть виноватой.

— Я ещё раз извиняюсь за вчерашнее. Мы с другом... В общем, у него девушка ушла к другому, и мы решили его поддержать. Ну и... немного перебрали. Не было никакого права так себя вести, тем более ночью. Просто... хотели забыться, а вышло, что испортили кому-то вечер.

Ева молчала пару секунд, вспоминая тот холод, ливень и как сильно колотилось сердце. Но сейчас, при свете ламп книжного магазина, в этой уютной тишине, всё это казалось не столько страшным, сколько нелепым. И вдруг ей стало смешно — не над ним, а над тем, как странно всё обернулось.

— Знаешь, я сначала струсил, потом разозлилась, а теперь мне смешно. Потому что ты стоишь тут, в книжном, и извиняешься за то, что орал под дождём. Это как будто из другой жизни.

Вадим хмыкнул, провёл рукой по светлым волосам — они были чуть взъерошены, будто он только что вышел на ветер — и пожал плечами:

— Звучит и правда глупо. Но я правда не хотел тебя напугать. Мы вообще нормальные, просто... вчера были не в себе.

— Ты уже это говорил, — кивнула Ева, но без упрёка. — И я тебе верю.

Артём, стоявший у кассы, покосился на них, но ничего не сказал. Только чуть приподнял уголок губ, будто понял: тут не продажа, тут что-то другое.

— Кстати, меня Вадим зовут, — снова заговорил парень, будто ему важно было, чтобы она запомнила. — Мне двадцать, учусь на юрфаке. И, честно, обычно я не хожу по улицам и не цепляюсь к людям. Даже наоборот — я за то, чтобы всем было спокойно.

Ева чуть наклонила голову, рассматривая его уже не как угрозу, а как обычного парня: высокий, где-то под сто восемьдесят, атлетичный, но не перекачанный, светлые волосы, голубые глаза, в которых сейчас было столько искренности, что сложно было не поверить.

— Ева, — сказала она наконец, протягивая руку, а потом тут же опустила — вдруг показалось, что слишком официально. — Работаю тут всё лето. И тоже обычно не стою под дождём и не держусь за стены, но вчера так вышло.

— Рад, что вышло именно так, — тихо сказал Вадим, будто сам удивился своим словам. — Что ты оказалась здесь, а не... где-то ещё.

В этот момент в магазин зашла женщина с двумя детьми, и Ева привычно шагнула вперёд:

— Мне надо помочь покупателям. Но... рада, что ты зашёл. И что извинился. Это много значит.

Вадим кивнул, будто принял это как маленькую победу:

— Тогда я просто поброжу тут. Может, что-то подберу другу. Он теперь вообще ничего не хочет, а я думаю, книга... ну, не лечит, но иногда помогает просто не думать.

— Это правда, — улыбнулась Ева, направляясь к женщине с детьми. — Если что, я тут.

Следующие полчаса она помогала покупателям, советовала книги, показывала новинки, а краем глаза замечала, как Вадим ходит между стеллажами, берёт книги, листает, снова ставит на место. Иногда он поднимал глаза, ловил её взгляд и чуть кивал — будто проверял, что всё нормально. И каждый раз Ева чуть улыбалась в ответ.

Когда женщина с детьми ушла, Ева подошла к нему:

— Что-то приглянулось?

Вадим держал в руках томик «Над пропастью во ржи» и смотрел на него так, будто пытался прочитать не слова, а смысл между строк.

— Думаю, это подойдёт. Тут как раз про то, когда всё кажется неправильным, а ты просто пытаешься не потерять себя.

Ева кивнула:

— Хороший выбор. Эта книга умеет молчать вместе с тобой.

Она пробила покупку, и Вадим достал кошелек, но вдруг остановился:

— Слушай, а можно я ещё спрошу? Ты... не против, если я как-нибудь зайду? Просто поболтать? Без всякого... ну, без вчерашнего. Просто чтобы убедиться, что у тебя всё нормально. Или если тебе вообще не хочется — я пойму.

Ева на секунду задумалась. Вспомнила, как вчера боялась его голоса, а сегодня уже улыбается его неловким извинениям. И поняла, что не хочет закрывать эту дверь.

— Можно, — сказала она спокойно. — Только не ночью и не под дождём. Днём. Тут, в магазине.

Вадим улыбнулся так широко, что даже Артём у кассы хмыкнул, будто тоже улыбнулся, но не хотел показывать.

— Договорились. Я не буду мешать работе.

Вадим записал название книги в телефон, будто хотел запомнить не только автора, но и этот разговор, и этот день.

— Спасибо. И... ещё раз прости.

— Простила, — просто сказала Ева, глядя, как он выходит из магазина и на секунду задерживается у двери, чтобы махнуть рукой.

Когда дверь закрылась, Артём подошёл, оперся на полку и посмотрел на Еву с хитрой полуулыбкой:

— Интересный покупатель.

— Обычный, — ответила Ева, но щёки всё равно чуть порозовели. — Просто извинился.

По-человечески.

Артём кивнул, будто это было самое важное:

— Иногда этого достаточно.

До конца смены оставалось совсем немного. Ева снова взялась за книги, но теперь в груди было не напряжение, а что-то лёгкое, будто ветер, который наконец-то сдул тяжёлые тучи.

Глава 5

День подходил к концу. А впереди было ещё столько дней — целых две недели тишины, спокойствия и маленьких, но настоящих моментов. И впервые за долгое время Ева подумала, что, может быть, эти две недели будут не только про то, чтобы справляться. Может, они будут про то, чтобы просто жить. Смена закончилась. Ева тепло попрощалась с Артёмом — он, как всегда, чуть улыбнулся и сказал: «До завтра. И не вздумай тащить тяжёлые коробки — я сам». Ева только фыркнула: «Я сильная!» — но в душе была рада, что рядом есть кто-то, кто не даёт ей быть слишком сильной.

На улице уже не было того колючего холода — день прогрелся, и город будто выдохнул после вчерашнего шторма. Ева шла не спеша, вдыхая свежий воздух, и по дороге заглянула в небольшой магазинчик у остановки. В корзинку полетели пачка спагетти, фарш, томаты, базилик — всё, что нужно для её любимой пасты болоньезе. Рядом она бросила упаковку корма для Севы: тот точно оценит.

По дороге Ева проверила телефон. Там мигало сообщение от Ритки: «Какие планы на вечер? Или просто посидим, поболтаем?» Ева улыбнулась и быстро напечатала: «Приходи ко мне. Буду готовить болоньезе». Через пару секунд пришёл ответ: «Ура! Уже бегу. И прихвачу эклеры — твои любимые!»

Дома Ева первым делом стянула рабочую футболку и джинсы, надела любимые шорты и простую серую майку — в такой одежде сразу становилось легче дышать. Сева тут же закрутился у ног, будто за эти несколько часов разлуки успел соскучиться по каждому её шагу. Ева насыпала ему корма, а он благодарно замурчал, будто говорил: «Спасибо, ты лучшая».

В коридоре ещё виднелись тёмные разводы от её вчерашних мокрых следов. Ева вздохнула, достала тряпку и быстро протёрла пол — ей нравилось, когда всё чисто, когда не остаётся следов вчерашнего хаоса. Потом она взялась за готовку: разогрела сковороду, бросила туда фарш, добавила лук, чеснок, томаты — и кухню тут же заполнил густой, пряный аромат, от которого сразу становилось уютнее.

Пока соус тихо булькал, Ева открыла окно, чтобы впустить вечерний воздух, и на секунду замерла, слушая, как город шепчет что-то своё: далёкие голоса, смех, шум машин, чей-то лай. И вдруг поняла: сегодня ей не страшно. Сегодня ей спокойно.

А потом раздался звонок в дверь.

— Ну, открывай уже! Я тут с эклерами, а они не вечные! — послышался из-за двери голос Ритки, звонкий, нетерпеливый, родной.

Ева распахнула дверь — и тут же чуть не ослепла от яркости Риткиной улыбки. В руках у подруги была коробка с эклерами, а в глазах — столько любопытства, что Ева сразу поняла: вопроса не избежать.

— Заходи, — рассмеялась она, пропуская Ритку внутрь. — Только не удивляйся, если Сева попытается украсть эклер. Он на сладкое падок.

Ритка скинула кеды, тут же наклонилась, чтобы почесать Севу за ухом, и тут же выпалила:

— Так, рассказывай. Как добралась вчера? Я всю ночь ворочалась, думала, вдруг ты где-то под дождём стоишь. Потом в какой-то момент отключилась... Но я всё равно волновалась!

Ева на секунду задумалась, подбирая слова. Не хотелось пугать подругу, но и врать не хотелось.

— Всё нормально. Дошла. Было... немного страшно, но обошлось. А сегодня вообще день странный.

— Станный — это как? — Ритка тут же села на табуретку, подперла голову рукой и уставилась на Еву так, будто готова была слушать хоть до утра.

И Ева рассказала. Про парней под навесом, про то, как разозлилась и ушла, а потом один из них извинился. Про то, что сегодня этот парень — Вадим — пришёл в магазин, объяснил, почему они так себя вели, и купил книгу для друга. Рассказывала спокойно, без надрыва, будто сама удивлялась, как быстро вчерашний страх превратился в обычную историю.

Ритка слушала, приоткрыв рот, а когда Ева дошла до момента с книгой, хмыкнула:

— Юрист, любит книги, извиняется за косяки... Слушай, а он вроде нормальный. Не то что эти... ну, ты помнишь.

Ева кивнула. Да, она помнила.

— Я не знаю, — тихо сказала она, помешивая соус, чтобы не смотреть подруге в глаза.

— Просто... приятно, когда человек признаёт, что был неправ. Без отговорок.

— Это редкость, — серьёзно кивнула Ритка. — Особенно в нашем возрасте.

Потом она вдруг вскочила, схватила тарелки, начала расставлять их на столе:

— Ладно, хватит про драмы. Давай лучше про еду. Пахнет так, что я готова съесть целую кастрюлю. И эклеры. И вообще всё.

Они сели за стол, когда паста была готова: горячая, ароматная, с щедрым слоем тёртого сыра. Ева налила себе стакан молока, Ритка — сока, и на пару минут в кухне воцарилась тишина — та самая, когда слова не нужны, потому что всё и так понятно. Сева устроился у ног Евы, будто знал, что сейчас ему точно перепадёт кусочек фарша. Ритка хихикнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.